

Юлия Мадора - вдова Натана Эйдельмана - репатрировалась в Израиль.

- Что значило быть женой Эйдельмана?

- Это значило - быть его секретарем, машинисткой и, само собой, домработницей. Мы с юности были в одной компании, жили все на Арбате. Компания была очень интересная - писатель Юлий Крелин, физик Вая Смилга, киновед и драматург Юра Ханютин, мой первый муж - однокурсник Смилги, Натан, которого все звали "Тоником". Когда я первый раз увидела Натана, нам с ним было по девятнадцать лет: у каждого из нас была своя жизнь. И только через очень много лет отношения перешли в иную плоскость - в какой момент это произошло, трудно сказать. Это были очень сложные отношения. Натан долгое время не решался оставить семью, хотя мы практически жили вместе. У него было очень патриархальный взгляд на семейные отношения. Эта двойная жизнь ложилась на Натана непосильным бременем: он совершенно не умел лгать и изворачиваться. Положение усугублялось еще и тем, что дочь до последнего дня не признавала за Натаном права на личную жизнь. А он обожал свою маму, дочь и внуков. Где бы мы с ним ни находились, он каждый час звонил маме: "Мам, ну как ты?" Поженились мы только за шесть лет до его смерти, хотя прожили вместе девятнадцать.

- Какой у Натана был характер?

- О, он был известным крикуном - в отца. Он мог наорать на меня, если я чего-то не сделала, но быстро отходил и очень переживал из-за своего срыва. Зная это, я всегда приходила мириться первой. Он сиял, бросался ко мне

- такой радостный. Разногласий серьезных у нас никогда не было, единственное - он совершенно не выносил, когда я смотрела какой-нибудь глупый фильм или читала детективы (Натан их терпеть не мог!).

Друзья упрекали его в том, что у него нет сил никому отказать в просьбе. Один наш друг - замечательный пушкинист - как-то пошутил по этому поводу: "Натан, какое счастье, что ты не женщина. Ты бы просто пропал! Никому не можешь сказать "нет".

- Этим пользовались?

- Конечно. Он бесконечно кого-то консультировал, раздавал свои сюжеты и архивные находки. Он считал: чем больше дашь другим, тем больше к тебе вернется. Наверно, так оно и было. Натан был счастлив в друзьях. Его не предавали. Он распространял вокруг себя такую атмосферу невероятной доброжелательности, что когда его не стало, друзья стали говорить: "В Москве поубавилось доброты".

- Он легко писал?

- Да, Натан легко писал, но работал очень много. Он просыпался в семь утра и не вставал из-за письменного стола до вечера. Писал только от руки. Таким почерком, что, наверное, египетские иероглифы расшифровать легче, чем его рукописи. Я привезла в Израиль дневники Натана - мне предстоит тяжелая работа.

- Он думал о смерти?

- Он ее предчувствовал. За несколько месяцев до конца он завешал мне свой архив. Хотя был совершенно здоров и ни на что не жаловался. Еще году в 75-м он сказал мне (и потом часто повторял): "Я не доживу до шестидесяти. Я умру в пятьдесят восемь - пятьдесят девять лет". На все мои возражения он отвечал: "Все мои герои - Гершен, Пушкин (кроме тех, кто погиб от чужой руки) - умерли в этом возрасте". Я понимала, как это опасно - вбить себе в голову подобное...

Наконец я придумала, как отвлечь Натана. Нашла декабриста - Владимира Раевского, который пережил "роковой возраст". Уговорить Натана было сложно - он считал, что уже все сказал о декабристах, однако согласился. Книгу он написал быстро, правда, вышла она уже после его смерти.

И вот когда Натан в очередной раз заговорил о смерти, я ему тут же ответила: а Раевский? "Э, нет, Раевского ты мне подсунула, это не считается. Мои герои приходили ко мне сами".

Так он и остался при своем. Его последний день рождения мы отмечали в Америке - вдвоём. Он весь вечер молчал, а молчавший Натан - это было для меня что-то незнакомое. Я не выдержала: "Боже мой! До чего мы дожили: ТЕБЕ СО МНОЙ скучно!" А он: "Нет, мне не скучно - мне грустно. Потому что я встретил свой последний день рождения". Так оно и вышло.

Я так хотела "перескочить" поскорее эту дату, начала да полгода договариваться о зале для банкета в Доме литераторов. В начале декабря мы должны были поехать в Швейцарию и Францию. Накануне я уговорила Натана сделать кардиограмму - затачить его к врачам было практически невозможно, но на сей раз он сдался. Поеха-

ли в поликлинику к девяти утра. В этот день Натан должен был давать интервью корреспонденту Би-Би-Си, встречаться с молодыми авторами, а вечером - читать лекцию о Пушкине в Пушкинском музее. Поэтому мы встали очень рано.

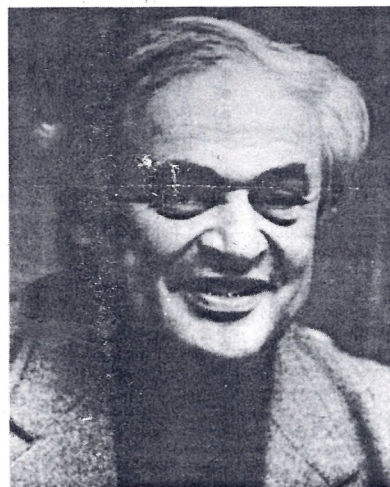
...Вначале врачи вроде ничего не сказали, а потом завод отделением говорит: "Что-то мне не нравится кардиограмма. Надо бы в больницу лечь". Врачи пошли договариваться о месте, а Натану тем временем сделали вторую кардиограмму, и выяснилось, что у него ползет инфаркт. Потом-то я поняла, что Натан, как человек эмоциональный и уверовавший в свою идею о сроке смерти, невольно нагонял себе этот инфаркт. Мне бы схватить его и отвезти домой, успокоить...

Пять часов мы прождали в поликлинике "скорую", хотя внизу стояла наша машина и я могла бы отвезти его сама. Натан бежал по этажам, искал телефон, чтобы позвонить маме, нервничал. Врачи куда-то ушли... Я потом узнала, что ему надо было лечь и не двигаться. Я думала, как хорошо, что в этот момент мы в больнице - врачи рядом, не дай Бог, станет худо - спасут.

Потом Натана везли в "скорой" - машину страшно трясло, он опирался на локоть, кривился от боли и все говорил мне, какую замечательную лекцию о Пушкине он придумал сегодня ночью (Натан никогда не повторялся).

НАТАН ЭЙДЕЛЬМАН

Татьяна Шрайман, Григорий Островский

- Вы запомнили, что он рассказывал?

- Нет, я его совсем не слушала - было не до этого. И потом, разве я могла представить себе, что ЭТУ лекцию я уже не услышу?

В приемном покое мы еще полтора часа ждали: врач был на дне рождения своего коллеги в соседнем отделении. Уже темнело, а в поликлинику мы приехали в девять утра!

... В пять тридцать утра его не стало.

Я не вино врачей: у них больных много. Себя вино: у меня муж был один.

- У Натана остались незаконченные книги?

- Одна, которая не была написана. Условно он назвал ее "Ю.К." - Юлиана книга. Натан замыслил ее в начале наших отношений. Мы сидели на пляже, и вдруг он сказал: "Мне хочется написать такую книгу, что-то вроде "Былого и дум", где будет все - судьба моего поколения, наша компания, наша любовь". Я, смеясь, добавила: "И эту книгу ты посвятить мне". Он возразил: "Но ведь я посвящаю свои книги только умершим. Пусть она просто будет называться "Ю.К." - "Юлиана книга".

- А была написана хоть одна строчка "Юлиной книги"?

- Он отчеркивал в своих дневниках разные места, которые, видимо, должны были лечь в основу "Ю.К.". Это был сложный замысел - после тридцатых годов у него вдруг шел шестидесятый век, потом - Древний Египет. Натан успел написать только короткое предисловие, которое начиналось словами: "Я убежден, что умру в воз-

расте пятидесяти восьми - пятидесяти девяти лет. Если это будет так, вы заплатите без меня, если ошибусь - мы вместе посмеемся..."

- Вы говорили, что Натан писал легко и быстро. Почему же работа над "Ю.К." растянулась на два десятилетия?

- Натан считал, что не может себе позволить писать "книгу в стол". У нас были огромные долги - он содержал две семьи. Я думала, мы так и умрем с долгами. Помог случай: когда были в Америке, купили компьютер, продали его и расплатились со всеми долгами. Как Натан был счастлив! Он то и дело заходил ко мне в комнату и спрашивал: "Слушай, у нас что, в самом деле нет долгов? В самом деле нет долгов?" И вот тогда он решил, что пришло время для "Ю.К.", купил большие тетради, расписал их по годам, но было слишком поздно. Не успел.

- Как складывались ваши отношения с людьми, окружавшими Натана?

- Многие меня не любили. Я при Натане была цербером. Но иначе было нельзя: - Я возвращаюсь к людям, окружавшим Натана?

- Многие меня не любили. Я при Натане была цербером. Но иначе было нельзя:

- Многие меня не любили. Я при Натане была цербером. Но иначе было нельзя:

телефон у нас звонил круглосуточно, первый звонок раздавался в семь утра, последний - в полвторого ночи. Я решала, когда звать Натана, а когда нет. Он страшно злился на меня за эту "филтрацию"... Его каждый день просили выступить с лекциями, но я настаивала на том, чтобы он выступал только раз в неделю. Натан так легко говорил, что казалось, будто ему это ничего не стоит. На самом же деле он очень волновался всякий раз, не спал - это был настоящий эмоциональный стресс! Естественно, я старалась уберечь его.

- В вашей жизни с ним не было "черных" дней?

- Один раз мы пережили три "черные недели". В семидесят девятом году он сказал мне: "Знаешь, я не могу больше так жить. Мы расстаемся. Я возвращаюсь в семью". К этому моменту мы прожили с ним уже девять счастливейших лет. Он ушел, мне очень хотелось позвонить - только бы услышать его голо! Но я сдержала себя. Натан вернулся через три недели. И вот теперь, когда его нет, мне все время снится один и тот же сон - что он не умер, а просто мы расстались. И вот я набираю телефон, а звонка нет. Я рассказала подруге об этом сне, а она мне говорит: "Разве ты не знаешь, что во сне телефон никогда не звонит?..."

- Лекции Натана собирали огромное количество людей. Натан понимал собственную значимость?

- Он был очень скромным человеком. Единственное, что Натан говорил по этому поводу: "Я ШИРОКО известен в УЗКИХ кругах..."

- В условиях тоталитарного режима Натан писал о свободе духа - неважно, о каком времени шла речь...

- Да, это, пожалуй, была главная его тема. Он часто говорил о том, что его интересует человек, который - при любых обстоятельствах - остается самим собой.

- Говорил ли Натан о грядущих переменях, чувствовал ли их?

- Да, конечно. Не случайно в конце жизни он в какой-то степени утратил интерес к своим любимым восемнадцатому и девятнадцатому векам и переключился на современность. Последняя книга Натана составлена из его публицистических статей. Он был большим оптимистом и считал, что России ждет прекрасное будущее. В ответ на мое "Натан, а по-моему, нас скоро вестать начнут" он неизменно отвечал: "Я же оптимист ИСТОРИЧЕСКИЙ. Нас с тобой, может, и повесят, но с Россией все будет в порядке". Сейчас, когда все так непредсказуемо изменилось, я не знаю, что сказал бы по этому поводу Натан, но наверняка ему удалось бы вывести нас на какие-то исторические параллели, которые облегчили бы нам восприятие действительности.

- Натан был евреем, пишущим о русской истории и культуре. Как он себя ощущал в этом качестве?

- Однажды в Паланге он произнес фразу, которая меня поразила: "Ты не представляешь, как это ужасно, что я еврей". Я просто потеряла дар речи, потому что Натан всегда трепетно относился к своему народу, постоянно был в курсе того, что происходило в Израиле, очень переживал Шестидневную войну. И более того, когда в издательстве его попросили изменить фамилию, он отка-

Фото: Борис Криштин

Юлия Мадора

заялся наоборот. А другие - чтобы печататься в те времена - делали это с легкостью.

Натан тут же мне все объяснил: "Считается, что я пишу правду, но это не так! Я не могу писать, как писал Карамзин о зверствах oprичников Ивана Грозного. Потому что тут же все шавки откроют рот: "Что это жиденок делает с нашей историей!?" И вот этот внутренний цензор все время мешает мне!

- Вы можете себе представить Натана в Израиле?

- Конечно. Историю и культуру этой страны он знал, как никто другой! Он не хотел уезжать из России, но говорил, что если начнут выживать, то он сможет жить

тогда только в Израиле.

- Как Натан воспринял ответ Астафьева на свое письмо к нему?

- Получив патологически злобный ответ Астафьева, Натан очень сожалел о своем письме к нему и говорил, что писал СОВСЕМ ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ. И - переживал вдвойне, когда узнал, что незадолго до всей этой переписки у Астафьева умерла дочь.

У Натана было еще одно письмо - Горбачеву. Там речь шла о евреях. Натан не успел его отправить. Я нашла черновик в его бумагах и отправила. Через какое-то время ко мне пришел молодой человек. Представился,

что он из райкома партии. Просидел у меня три часа, но чего он хотел от меня - я так и не поняла.

- У Натана было какое-то удивительное чутье на архивные документы...

- Да, он очень любил работать в архивах. Из Америки мы привезли два чемодана ссерков, которые он сделал в архиве и в университетской библиотеке. Перед поездкой в Швейцарию он уговорил знакомого, чтобы тот помог ему устроить одну лекцию в Базеле. А мне сказал: "Там лежат материалы Герцена. Я ЧУВСТВУЮ, что они там! Я их найду". И вот я сейчас думаю: найдут их когда-нибудь теперь или нет?

ОТРЫВКИ ИЗ РАБОТЫ Н. ЭЙДЕЛЬМАНА "РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ" В РОССИИ" ПУБЛИКУЮТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ЮЛИИ МАДОРЫ (ЭЙДЕЛЬМАН)

*Россия мглой была покрыта много лет,
Бог рек: да Белинский и был в России свет.*

Э то двусторонне Белинский поставил эпиграфом к одной из своих статей.

Царь Петр, как видим, сравнен с Богом. Мало того, великий критик считает, что это пример для сегодняшней и завтрашней российской истории: "Для меня Петр - моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-либо сделать, быть чем-нибудь полезным" (письмо Кавелину, 22 ноября 1847 г.). И чуть позже: "Для России нужен новый Петр Великий" (письмо Анненкову, 15 февраля 1848 г.).

Белинский - революционер, и ему нравится революционер Петр. "Революционером на троне" назовет этого царя и Александр Герцен.

Мы обычно воздерживаемся от такого рода характеристик: все-таки царь, революционер, как нам привычно с детства, царей свергают... Правда, сегодня, в 1980-х, когда у нас происходят революционные преобразования, мы, пожалуй, "на своем витке" возвращаемся к формулам Герцена-Белинского о революции сверху - и это само по себе любопытно. Дело, однако, не в словах, в делах...

При Петре, за 20-30 лет, промышленность выросла в несколько раз, а вскоре после того Россия вышла на первое место в мире по металлу; была создана крупнейшая в Европе регулярная армия, артиллерия, современный флот; пробито "окно в Европу", завязаны разнообразные дипломатические и торговые связи, приглашены сотни специалистов, построена новая столица, заложены в разных местах страны города, прорыты каналы, основаны школы, Академия наук, газета, новый календарь. Сверх того еще множество новшеств: иная структура государства, иной быт "верхних слоев", иной внешний вид, иной язык...

Конечно, строй тот же, политическая система та же, но перемены неслыханные, революционные: нигде в мире за столь короткий срок подобного не бывало.

Впрочем, хорошо это или плохо? Приглядимся к вытекающим отсюда историческим "урокам".

Две черты российской истории, отличающих ее в течение многих (хотя и не всех) исторических столетий; о них мы уже говорили, но кратко сведем вместе.

Во-первых, относительная небуржуазность. О, эта важнейшая черта истории, экономики, политики, характера! Здесь и российская удаль, ширь, нелюбовь к мелочности, скопидомству - "разудись, рука, размахнись, плечо!" Это - отсутствие сравнительно с Западом столь презираемого мещанства; лихость, неприхотливость...

И в то же время - бесхозяйственность, нежелание и неумение рассчитывать, очень часто - героизм вместо нормальной, скучной повседневности, легкий переход от бунта к рабству; произвол, недостаток правового сознания.

Во-вторых, и отчасти следствие первого, огромная роль государства, сверхцентрализация. И прежде, начиная с Ивана III, большая в сравнении с Европой роль самодержавного аппарата была очевидной. Но Петр показал, какие огромные возможности добра и зла потенциально заложены в этой российской особенности. Настолько огромные, что даже Белинскому, даже лучшим историкам (представлявшим так называемую государственно-юридическую школу) казалось, будто государство - причина, остальное - следствие; и что если крестьяне - крепостные помещиков, то все вместе они - крепостные государства, которое может сотворить и с мужиком, и с баринном все, что пожелает.

Как народ, так и слои имущие почти не имеют никаких независимых от власти объединений, организаций, и поэтому в России, больше, чем в какой-либо другой стране, все решает активное меньшинство; но десятки и сотни уездов, а средоточие властей - Петербург. Решает скоро, революционно - и взрывной путь как бы становится нормой.

Это довольно очевидные петровские уроки. Заметим, что по-своему их пытались учесть и последующие русские императоры, и русские революционеры; урок, что "ударные кулаки" (выражение Ленина) должны быть сосредоточены

в главных центрах - и тогда все решено...

Третий урок - люди, слой, на который опирается "революция сверху". Внимательно читываясь в русскую историю за несколько десятилетий до Петра, можно и там отыскать немало ярких характеров, а зачатки будущих реформ - при отце преобразователя, царе Алексее Михайловиче. Но все же, полагаю на сердце: если бы мы не знали, как бурно и необязательно начнутся 1700-е годы, если бы мы не знали ответа исторической задачи, вряд ли угадали бы такое количество способных, энергичных, смелых, отчаянных, творческих людей, какие вдруг стали "птенцами гнезда Петрова".

Это российское взлуд неоднократно встречается в отечественной истории - признак внезапного бурного взрыва, революционности. Разрешение, среди медленно разгорающейся, старинной, средневековой, в сущности, Руси не найти сколько нужно способных

Петр I. Портрет работы Ив. Никитина. 20-е гг. 18 в. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Петр

генералов, адмиралов, инженеров, администраторов, и вдруг нашлись - способные, хищные, соответствующие своему властелину.

Пригладились к соратникам: одни - молодые, прежде титулованные, не знающие, иногда вообще из народа, "со стороны" (Меньшиков, Шафиров, Лясунский), отнесем к этой группе и привлеченных иностранцев, начиная с Лефорда.

Однако были и другие: "старички" вроде бы, отлично вписавшиеся в прежнее, медленно, боярскую Русь, но оказалось - верные и нужные участники петровских преобразований. Таковы Ф.Ю. Ромодановский, Б.И. Куракин, П.А. Толстой (который примкнул к Петру, уже имея внуков), многие другие.

Нелюбовь к мелочности, скопидомству, лихость, неприхотливость...

людей в лагерь крутых перемен, причудливы. "Стимулы, - писал Ключевский, - были школьная палка, виселица, привязанность к соседке-невесте, честолюбие, патриотизм, сословная честь".

Мотивы разные - социальная роль общая...

Царь и сподвижник. Не понять, кто кого породил; во всяком случае, этот слой искал своего лидера, а лидер искал его. Выходит, есть один урок российской "верхней революции": люди всегда находят, реформа сама их открывает и создает, а они - ее...

Следующий урок относится к противникам, и прежде всего - к старинному бюрократическому аппарату (Боярская дума, приказы, сложная система дворянских и провинциальных государственных связей). Малочисленный, примитивный с точки зрения позднейшей государственности, этот аппарат был достаточно традиционен, скреплен практикой и обычаями; к тому же новый самодержец не собирав вводить народного правления и, стало быть, вообще не мог обойтись без "наследия oprичников"...

Борьба с подобным аппаратом, его ликвидация и замена другим - необходимая черта всякой революции, в том числе "верхней". Какие же способы известны истории для преодоления бюрократических препятствий?

1. Торжество демократии над бюрократией вследствие народного взрыва, революция снизу; но петровский случай не тот.

2. Метод запугивания: силы, желающие преодолеть все силы аппарата, выбирают момент его ослабления или растерянности вследствие внешних неудач или внутренних потрясений (в этом смысле стрелецкие бунты и поражение под Нарвой явились таким же фоном преобразований, как позже Крымская или русско-японская войны).

3. Особым методом давления на бюрократию является обращение главы государства с "верхнего этажа" власти прямо к народу, к массе, которая очень часто, в разных исторических ситуациях, тяготеет к царям, но не к министрам. Приведем два примера, внешне совершенно непохожих, но интересных как раз возможностью сопоставления. Один случай - отъезд Ивана Грозного из Москвы в Александровскую слободу, апелляция к "низам" как способ блокирования, изоляции тех государственных учреждений и лиц, что препятствовали усилению самовластия. Другой случай - современный. В Китае нынешние реформаторы Дан Сяопин и другие, встретив сопротивление разросшего партийного и государственного аппарата, среди разных контуров использовали мнение народа: в определенную пору поощряли и постоянно перепечатывали в прессе народные листовки, даыбаю, подчеркивали союз высшего руководства с массами против разделяющей их бюрократии. Все это, как мы знаем, дало свои плоды...

4. Способ, к которому прибег Петр. Опалы, ссылки, казни, замена одних бюрократов другими - подобные меры хоть и ослабляли противника, но давали лишь частичный эффект. Отмена местничества в царствование старшего брата Петра, царя Федора Алексеевича, расправа со стрелецкой оппозицией также были значительными, но еще не принципиальными мерами.

Куда важнее было создание Петром параллельного аппарата. Боярская дума, старые приказы еще функционировали, когда Петр уже опирался на своих потешных, Преображенский и Семеновский полки; то был "контур" новой армии, нового аппарата!

Потом параллельный аппарат разрастается, определенным образом взаимодействуя и вытесняя прежних правителей.

Перенос столицы из Москвы в Петербург - одно из существенных звеньев этой политики. В старой столице оставались прежние, враждебные, медленные органы власти; они были там обречены на отмирание или преобразование. На новом месте было куда легче построить и расширить новую по своей структуре власть. Коллегии, сенат, синод, генерал-прокурор - все это выросло и установилось в Петербурге...

Знал ли Петр с самого начала - что делать? Имел ли план, теорию или действовал стихийно, на ощупь?

Мнения историков разделились. К их числу мы отнесем и такого историка-практика, как Екатерину II, вообще очень почитавшую своего предшественника, но однажды

заметьте: "Он сам не знал, какие законы учредить для государства надобно".

Профессор Б.И. Сыромятников был уверен, что у Петра имелся "широкий светлый взгляд на свои задачи", существовало далеко продуманный план.

Много раньше Ключевский, не отрицая, что у царя были некоторые общие идеи насчет рыцаря вперед, сближения с Европой и т.п., так оценил механизм происходившего: "Петр просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя... отдельным планом, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой; он и сам не заметил, как этими текущими делами он все изменил вокруг себя, и людей, и порядков".

Думаем, что Ключевский все же ближе других к истине: теории не было, ведь ничего подобного прежде не делалось, и Петр бросался то туда, то сюда, пробовал "разные инициативы", примерял то одно, то другое; между прочим, поразился, что английский парламент откровенно говорит правду своему монарху, но ничего похожего в России не было, на могиле кардинала Ришелье готов был "отдать" великому государственному человеку половину своего царства - лишь бы он научил, как управлять оставшейся половиной, но и французский опыт не сгодился...

Этот петровский урок сформулируем так: не следует преувеличивать умозрительных идей, сложившихся до коренного переворота; не очень как будто эффективный метод "проб и ошибок", очевидно, необходим и в определенном смысле - единственен. Когда Ключевский замечает, что "Петру досталась от Древней Руси своеобразно сложившаяся верховная власть и не менее своеобразный общественный склад", он хочет лишь сказать: Петр выбирал из того, что было под руками, как делали все государственные деятели мира, и не вина или заслуга царя, что в его распоряжении были энергичные, хищные дворяне, способные, неприхотливые и покорный народ, сильный государственный аппарат, но не было мощных, свободных родов, уверенного "третьего сословия", независимых судов...

Итак, 1801 год. На престоле умный, образованный царь, испытывающий на себе ужасы самодластия. В ответ на восторги господа де Сталь, восклицавшей, что иметь такого императора куда лучше, нежели опираться на конституцию, он отвечает знаменитым афоризмом: "Мадам, даже если вы правы, я не более чем счастливая случайность".

Ситуация представляется идеальной: благонамеренный император хочет осчастливить свой народ; народ, очевидно, не откажется от улучшения собственной участи, власть и возможности Зимнего дворца огромны. За чем же дело стало?

План Лагарпа

В любые исторические эпохи примерно один-два процента населения являются тем, что принято называть правящим классом или правящим слоем.

Дворянство, окултуренное, но крепостническое, государственный аппарат, усовершенствованный Петром и его преемниками, - вот страшная сила, которую будущий Петр I должен использовать, нейтрализовать или преодолеть.

Александр за советом обращается к любимому учителю Лагарпу и вскоре, 16 октября 1801 года, получает любопытные "директивы", которые, в общем, принимает к исполнению.

Умный швейцарец, возглавлявший одно время родное государство, последовательно разбирает главные социальные, политические силы, на которые может или не может опереться Александр.

Против реформ (согласно Лагарпу) будет почти все дворянство, большая часть купечества (буржуазия не развита, мечтает превратиться в дворян, получить крепостных).

Особенно воспротивятся реформам те, кто напуган "французским примером", - "почти все люди в зрелом возрасте; почти все иностранцы".

Лагарп с большим уважением относится к русскому народу, который "обладает волей, смелостью, добродушием и веселостью". Швейцарец уверен, что из этих качеств можно было бы извлечь большую пользу ("и как ими злоупотребляли, дабы сделать эту нацию несчастной и униженной!"), однако покамест учитель решительно предостерегает ученика Александра против какого бы то ни было привлечения народа к преобразованиям: "Он желает перемены... но пойдет не туда, куда следует... Ужасно, что русский народ держали в рабстве вопреки всем принципам; но поскольку факт этот существует, желание положить предел подобному злоупотреблению власти не должно все же быть слепым в выборе средств для пресечения этого".

В результате реформатор, по мнению Лагарпа, может опереться лишь на образованное меньшинство дворян (в особенности на "молодых офицеров"), некоторую часть буржуа, "несколько литераторов". Силы явно недостаточны, но советчик, во-первых, надеется на огромный, традиционный авторитет царского имени (и поэтому решительно не рекомендует ограничивать самодержавие какими-либо представительными учреждениями!), во-вторых, рекомендует Александру как можно энергичнее основывать школы, университеты, распространять грамотность, чтобы в ближайшем будущем опереться на просвещенную молодежь.

И Александр I начал выполнять "программу Лагарпа". "Революция сверху как бы предшествовал новый этап "просвещения снизу". Оно декларировалось многообразно: было запрещено помещать объявления о продающихся крепостных (отныне писали - "отпускается в услужение"); закон о вольных хлебопашцах облекал освобождение крепостных тем помещикам, кто вдруг пожелал сделать это добровольно...

Эти и несколько подобных декретов легко раскритиковать как частные, половинчатые, но ведь и само правительство не считало их коренными: речь шла о постепенной подготовке умов и душ к "эмансипации". Берется курс и на молодых: многие послы, генералы, сановники были 30-40-летними, ровесники царя. В правление Александра были основаны или возобновлены почти все дореволюционные русские университеты: Казанский, Дерптский, Виленский, Петербургский, Харьковский, а сверх того - Ришельевский лицей (из которого позже вырос Одесский университет) и столь знакомый нам пушкинский Царское-сельский лицей. Все это дополнялось реформами гимназий, сравнительно мягкими уставами учебных заведений при немалом самоуправлении и выборности начальства...

То был, можно сказать, постоянный фон, реформаторская основа, которая особенно сильно укрепилась в начале александровского царствования, но не совсем исчезла даже в гонениях последних его лет.

Не вдаваясь, однако, в частности, присмотримся к двум серьезным попыткам произвести коренные, можно сказать, революционные (особенно если б они вышли!) планы "верхних преобразований".

Прежде всего, конечно, попытка Сперанского. В 1807-1812 годах талантливый администратор, великодушный знаток всех тонкостей российского правления задумал и разработал сложную, многоступенчатую реформу сверху, которая постепенно, учитывая интересы разных общественных групп, должна была завершиться двумя главными результатами - конституцией и отменой крепостного права.

Здесь снова не можем удержаться, чтобы не задеть многих, очень многих наших историков. Сколь часто называют они из своего XX века, как следовало бы действовать разным героям минувших столетий, в чем те ошибались, что переоценивали и что недооценивали. Иной профессор, например, столь ясно видит ошибки народников, что нет сомнения - если бы он сам пошел в народ, мужики непременно поднялись бы... Сперанского то только не критиковал, включая Льва Толстого, - и Россию-то он не понимал, и самоуверен был, и самодоволен. Рядом советских историков необыкновенный государственный деятель, сделавший фантастическую карьеру (из полковичей - в первые министры!), осуждался, по сути, за то, что он не стал крайним революционером, типа, скажем, Пестеля, что хотел примирить помещиков, государственные и крестьянские интересы, что возлагал надежды на "обманщика-царя".

Оспаривая подобные суждения как неисторичные, заметим: главный довод многих критиков, включая и автора "Войны и мира", не всегда отчетливо сознаваемый, но основной - реформы Сперанского не получились. Из этого сразу делается вывод, что и не могли получиться, а это уж далеко не бесспорно.

Что же касается желания Сперанского сохранить помещиков, то здесь нужно сказать: он был исторически прав. Простое уничтожение правящего слоя отнюдь не всегда большое достижение для страны. Англичане, сохранившие во время революции XVII века и помещиков, и буржуа, освежили, укрепили свой строй. Российское дворянство при всей его крепостнической сущности продолжало оставаться главным носителем просвещения, культуры, исторической традиции; в начале XIX века оно было, можно сказать, незаменимо при слабости русской буржуазии и темноте многомиллионного крестьянства.

Сколько написано о "положительных результатах" ликвидации класса помещиков в 1917 году, но не было и не будет ни одного исторического явления, которое имело бы одни положительные стороны; известные общественные, моральные потери происходят даже при ликвидации безусловно старого, отжившего.

Сперанский знал, чего хотел, его планы не были утопичны, это был интереснейший проект "революции сверху", который зашел далеко. К осени 1809 года министр разработал план государственных преобразований: в центре-аго - были идеи законности, выборности части чиновников, их ответственности, разделения власти; наконец, известное конституционное ограничение самодержавия. Сперанский считал также необходимым одномерное расширение гласности, свободы печати, однако "в известных, точно определенных размерах".

Не вдаваясь в подробности, заметим, что реформатор как реалист-практик пытался примирить новые идеи с существующими порядками, поэтому выборность он все время уравнивал с правом властей, правом царя утверждать или отменять решения выборных органов. Так, министры, согласно плану Сперанского, ответственны перед законодательным органом, думой, однако назначаются и смещаются царем. Судей, а также присяжных должны выбирать местные думы, но царская власть все это контролирует и утверждает. Зато император и предлагает законы, и окончательно их утверждает; однако ни один закон не имеет силы без одобрения в Государственной думе.

1 января 1810 года был торжественно открыт Государственный совет, который мыслился как верхняя палата российского парламента; нижняя, выборная палата, Государственная дума, а также окружные и губернская думы должны были быть провозглашены 1 мая, а собраны 1 сентября того же года.

Двухпалатный парламент. Можно сколько угодно перечислять его недостатки и слабости: избирательное право отнюдь не всеобщее, явное преобладание дворянства, сохраняется огромная роль самодержца. И все же, все же...

Это было бы огромное событие, новый шаг в политической истории страны; со временем подобное учреждение могло окрепнуть, наполниться новым содержанием, стать важной политической школой для тех сил, на которые разумный самодержец сумел бы опереться; и тогда легче было бы осуществить другие реформы, о которых уже давно говорили в русском обществе, - переменить суд, бесконтрольное чиновничье управление, реформировать города, армию...

Сам Александр соглашался с тем, что новое правление, даже в столь урезанном виде, было бы сигналом к расширению представительства народа: кроме дворянского сословия к выборам допускалось и "среднее состояние" (купцы, мещане, государственные крестьяне); низшие же "состояния" (крестьяне, мастера, домашние слуги) пока получали гражданские права без политических; а поскольку голосование крепостных крестьян было явной бессмыслицей, само по себе предусматривалось их постепенное, осторожное освобождение...

1810 год. Опять же, не зная "ответа задачи", легко вообразить: осенью того года Россия становится конституционной монархией, а через несколько лет - страной без крепостного права, с обновленными судами.

Однако Государственная дума вдруг "пропала"; задержалась на 95 лет, до октября 1905-го.

И крепостное право, о котором уже давно (с 1760-х гг.) известно, что оно менее выгодно, чем вольный наем, также "решило" продержаться еще столетиями...

Удивительна все же российская история: случайность; появление или смена правительственного лица - и жизнь народа, кажется, определяется на 50, 100 лет, на несколько поколений...

Много спорят о подробностях, о причинах внезапной опалы и ссылки Сперанского в 1812 году, о "таинственном повороте" в настроениях императора, который ведь сам хотел реформы и действовал "по Лагарпу". Часто эту столь внезапную остановку объясняли военной угрозой, приближением, а затем началом войны с Наполеоном.

Действительно, "Бонапарт у ворот" - это сильный повод против решительных перемен. Но вот двухлетняя великая схватка 1812-1814 годов завершается крахом Наполеона; авторитет Александра III сильно возрастает в России и в Европе (вспомним пушкинское - "И русский царь - глава царей"). И тут-то Александр делает вторую попытку "уподобиться Петру"; один этот факт говорит о том, что его мысли о коренных преобразованиях вовсе не каприз, что были, очевидно, другие причины, помешавшие Сперанскому закончить дело. Более того, сам Сперанский, переживший унижение, временную ссылку и затем возвращенный к административной деятельности (пусть не на столь высоком уровне, как прежде), кажется, искренне пришел к выводу, что он ошибался, что в России рано еще иметь даже умеренную конституцию; во всяком случае, в письмах к Александру он неоднократно кается.

Но вот сам Александр еще не раздумал, еще пытается...

Сохранились примечательные проекты 1815-1818 годов, документы, на этот раз создававшиеся в глубокой тайне (тогда как о планах Сперанского было довольно широко известно).

Один из старинных друзей и сподвижников императора, Н.Н. Новосильцев, разработывает "Уставную грамоту Российской империи" - все ту же конституцию, родственную замыслам Сперанского (правда, власть императора предполагается еще большей, чем в проектах 1809-1810 гг.). В эту пору царь обидел российскую мыслящую публику, даровав конституцию Финляндии и Польше, заметив поля-

Продолжение на стр.24

кам, что они должны показать России "благотворительный пример". Вообще, где только мог, Александр старался внушить европейским монархам, что полезнее им быть не абсолютными, а конституционными. Франция после Наполеона была в известной степени обязана русскому царю тем, что получила палату депутатов (возвратившиеся Бурбоны "ничего не забыли и ничему не научились", а поэтому наделялись управлять без конституции); недавно были опубликованы любопытные инструкции Александра I русскому послу в Испании Д.П. Татищеву, где предписывалось "всячески нажимать на деспотически настроенного Фердинанда VII, чтобы тот не упрямился и поскорее укрепил свой режим созовым кортесов..."

Во Франции, Испании, Польше - конституции явные, в России - проект тайный, опасливый.

Еще более засекреченные документы разрабатывали план отмены крепостного права... Предполагалось личное освобождение крепостных с небольшим надлом. Он примерно равнялся тому участку, которым наделял крестьян другой тайный документ, явившийся на свет несколько лет спустя. На этот раз тайный от правительства: мы подражаем революционному, декабристскую конституцию Никиты Муравьева.

Выходит, строго конспиративно, таясь друг от друга, освобождение крестьян готовили декабристские тайные общества и их главный враг - правительство. Мало того, один из правительственных проектов по приказу Александра составил (точнее, руководил составлением) не кто иной, как Алексей Андреевич Аракчеев!

Здесь мы сталкиваемся с удивительнейшей особенностью российских "реформ сверху", когда в них порою принимают участие самые, казалось бы, неподходящие люди; те, которые прежде действовали в совершенно противоположном духе. Всемогущая власть умела, однако, при случае превращать в либералов-реформаторов и подобных людей (известны и обратные метаморфозы). Аракчеев был такой человек: прикажи ему Александр применять пытки в духе Ивана Грозного, он не поколебался бы, но с немалым рвением исполняет и распоряжение другого рода.

Разумеется, сразу очевидна и дурная сторона, вред от подобных оборотов: их темные личности, конечно же, как-то проявляются, тормозят добро; и в то же время - как умолчать о причудливо положительной стороне дела: более идейный реакционер стал бы дополнительным препятствием на пути преобразований, меж тем как царям в

эту пору (а также в будущем) удается использовать для реформ даже способности аракчеевых...

Тем более что идейных противников хватало.

Тут мы подходим к попытке ответить на вопрос, почему и второй приступ к реформам отбит; почему важнейшие документы о конституции и крепостном праве были столь глубоко запрятаны, что даже младший брат императора, Николай, с 1818 года назначавшийся в наследники, не был с ними знаком: в 1831 году он пережил неприятное потрясение, узнав, что восставшие поляки отыскали в Варшаве и там опубликовали новосильцевскую "Уставную грамоту Российской империи". Николаю приписывали даже фразу, что он иначе отнесся бы к конституционным

Гейслер. Колодки. 1805

планам декабристов, если бы прежде знал тот документ. Фразу эту оставим на совести царя Николая, который попытался добыть и сжечь все экземпляры сенсационного польского издания (кое-что, однако, уцелело и спустя 30 лет было опубликовано Вольной типографией Герцена).

Отчего конституционный документ отыскался именно в Варшаве? Вспомните, потому, что Александр делился своими тайнами с братом Константином, управляющим Польшей; а во-вторых, - и это самое интересное! - сохранились сведения о том, что царь собирался объявить политическую, крестьянскую свободу именно в Варшаве...

Дело в том, что в Петербурге могли убить.

Дело в том, что еще во времена Сперанского Александр столкнулся с осторожной, почтительной, но могучей оппозицией со стороны высшего дворянства и бюрократического аппарата.

Главные люди страны - министры, губернаторы, крупные военачальники, советники, администраторы - составляли примерно один процент от одного "правящего процента", то есть 4-5 тысяч человек. Число ничтожное, но за каждым - сила, влияние, связи, люди, деньги. Тогда, около 1810 года, от имени многих, угрожающе молчавших, кое-что говорил и писал способнейший реакционер граф Ростопчин, а еще громче высказался и подал царю смелый документ против Сперанского Николай Михайлович Карамзин. Он искренне считал, что выдать конституцию, отменить крепостное право еще рано: "Скажем ли, повсюду ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи и коих благотворность остается доселе сомни-

тельно. (...) Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно вернуть оную. Тогда они имели навык людей вольных, - ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным; а система наших ввинных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготвлением? В заключение скажем доброму монарху: "Государь! История не упрекает тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), - но ты будешь отвечать богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов".

Карамзин вообще, в идеале, был за республику и свободных крестьян - но не теперь, позднее, когда они хоть немного просветятся, освободятся внутренне... Искренность историка, его талантливое перо становилось сильным оружием для тех, кто прятался за его спиной, без всякого идеализма, но с немалой корыстью и цинизмом.

Оппозиция справа: "невидимый" и тем особенно страшный бюрократический аппарат не имел права возразить императору, но соответственно в условиях гласности и бюрократам никто не возражал; царь фактически не имел той опоры, о которой мечтал Лагарп; невидимые же угрожали "удавкою", и пример отца (убитого, правда, не за то, что собирался ввести конституцию и отменить крепостное право, но за то, что по-своему разошелся с "верхами"), пример Павла ясно определял характер угрозы.

Эти люди скинули Сперанского, заставили Александра отступить.

И в 1810-м, и в 1820-м.

Мы отнюдь не идеализируем императора; не хотим судить по старинной крестьянской формуле "царь добр, но генералы препятствуют"; однако не желали бы и совсем отречься от этой формулы. Дело в том, что в России "сверху виднее"; при неравности общественно-политической жизни, при обычной многовековой практике всеобщего "государственного творчества", там, на самом верху, среди министров и царей естественно появлялись люди, которым виднее интересы их класса, сословия, государства в целом, которые умеют считать "на два хода вперед", в то время как крепостники и большинство бюрократов - исключительно "на один ход". Непосредственное примитивное классовое чутье подсказывало! - никаких конституций, никаких крестьянских вольностей! Навверху же "призывали" понять: "В ваших собственных помещичьих, бюрократических интересах - несколько уступить, освободить, иначе все потеряете!"

Обращаем внимание, что глагол призывать мы поместили в кавычки: недостаток политических свобод и гласности, между прочим, мешал даже разговору царей со своим дворнягом!

Как же были отвергнуты проекты 1815-1818 годов, каких механизмов? Часто слышались на революционные события в Европе в 1820-1821 годах, а также на знаменитый бунт Семеновского полка в октябре 1820 года, будто бы изменивший первоначальные благие намерения Александра I.

Думаю, что тут не следует путать причины со следствием. Бунты и революции всегда являются кстати для тех, кто пользуется ими с дурными целями, кто стремится запугать верховную власть ужасными примерами и восклицает: "Никаких послаблений!" Позже известный деятель, один из сравнительно либеральных министров Николая I, Дмитрий Николаевич Блудов, находил, что европейские революции, мешавшие русским реформам, являлись всегда столь "вовремя", как будто их тайно подготавливали российские крепостники!

Как видим; тут еще один исторический урок, уж какой по счету! (В конце нашего повествования мы постараемся свести их вместе.) При повышенной роли государства, при революциях и реформах сверху, важным орудием противников преобразований является провокационное раздувание тех или иных беспорядков, а иногда - создание и поощрение таковых для запугивания царей.

И семеновская история, и европейские волнения легко могли напугать того царя, который, как уже отмечалось, собирался объявлять коренные реформы не в своей столице, где был сосредоточен бывший аппарат, а подальше от нее, в Варшаве (пожалуй, попытка уподобиться Петру, для преодоления консерваторов уехавшему из Москвы в новую столицу, Петербург).

Когда несколько видных государственных деятелей - Воронцов, Меньшиков, Васильчиков - около 1820 года наметили царю на необходимость коренных преобразований, Александр мрачно ответил: "Некем взять!" Иначе говоря - нет людей, нет слона, на который он мог бы опереться и осуществить, провести в жизнь те проекты, что давно уже лежат среди секретнейших бумаг...

"Некем взять" - формула примечательнейшая! Петр, как мы видели, нашел "кем взять": создал параллельный аппарат, перенес столицу, понял и почувствовал, что нужно реформы начать, а люди сами найдутся. Лагарп тоже учил своего воспитанника, как отыскивать и создавать верных людей, помощников. Но не выходило...

Отчего же?

Если бы Александр был Петром, то ему "следовало бы" решительно опереться на молодых офицеров, использовать их высокий патриотизм, особенно усилившийся с 1812 года, их просвещенный, свободный дух, жажду улучшить жизнь дела в своем отечестве. Иначе говоря, Александру I "хорошо было бы" привлечь декабристов, а также ряд либерально настроенных аристократов, вроде тех, которые приходили поговорить о реформах. А он, царь, им не поверил и, в сущности, оскорбил, заметив, что "некем взять".

Была огромная энергия молодежи, ее тогдашняя несомненная привязанность к царю - победителю Наполеона. Эти чувства прекрасно переданы Пушкиным в повести "Метель": "Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушьем мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него была какая минута!"

Александр - не Петр; 1800-е годы - не 1700-е.

Царь опасается, не доверяет, боится. А молодежь рвется вперед, созревая с немойверной быстротой. Время упущено, лучшие люди упущены! В результате, начиная с 1816 года, около десяти лет тайное реформаторство царя

и тайные проекты дворянских революционеров соседствуют, сосуществуют. Временами, как мы видели, идеи, планы, даже формулировки совпадают. Кажется, еще чуть-чуть, еще немного - и верховная власть протянет руку Волконскому, Пестелю, Николаю Тургеневу и сразу найдется - "кем взять".

Не было: сработала огромная оторванность, самостоятельность верховной власти даже по отношению к дворянству; сработал, конечно, и классовый инстинкт, предостерегавший "обе стороны". Однако не стоит абсолютизировать это обстоятельство. Вспомним, что в 1825-м, за несколько месяцев до выхода на площадь, Пестель и огорченный, утомленный раздорами между заговорщиками и медленным, мучительным ходом тайной работы, хотел

явиться к Александру I в Таганрог и открыться, представить в распоряжение царя несколько сот активных революционеров, за которыми десятки тысяч солдат, хотел предложить свою лояльность, поддержку в обмен на коренные реформы - в общем, те самые, которые давно таятся в бумагах царя!

Сотоварищи по тайному обществу отговорили Пестеля; он не имел права так действовать без их согласия. Не было, не могло сбыться; но остался важный исторический урок насчет царей, которые выигрывают, находя достаточно широкую, активную, инициативную, "интеллектуальную" опору, и проигрывают, если не находят.

Наш рассказ о переменах достиг того момента, когда революционная инициатива переходит в руки прогрессивного дворянства. Казалось бы, начинается сюжет с революции снизу, однако и здесь своеобразно российской истории накладывает неповторимую печать.

Декабристы: российский классицизм, слабость третьего сословия сразу же выявились в том, что роль, которую на Западе играли горожане, буржуа, обуржуазившееся дворянство и их идеологи, в России играют выходцы из самого "типичного" крепостнического дворянства. Удивление перед этим фактом, порою неумение с ним справиться однажды привело столь крупного историка, как М.Н. Покровский, к попытке определить связь между числом десятин и крепостных у того или иного декабриста и степенью его дореволюционности. Одно время Покровский думал: чем декабрист беднее, тем радикальнее. Однако столь простой социологический вывод не оправдался - активнейшие революционеры были и среди бедных, беднейших дворян (Каховский, Горбачевский), и среди знатнейших, богатейших (Пестель, Лунин, Волконский).

Князья, графы, душевладельцы, выступившие против собственных привилегий и взыщив на себя обязанности третьего сословия, - такая ситуация уже сама по себе отдавала столь привычной нам "революцией сверху". Вопрос

стоял так: сумеют ли эти дворяне, революционеры, перехватить привычную инициативу у тех дворян, правительственных, бюрократических.

Когда в начале деятельности тайных обществ молодые заговорщики почти целиком сосредоточились на идеях политических, конституционных, более опытный Николай Тургенев предостерегал, что таким путем не удастся перехватить, ослабить "магическое влияние" самодержавия на народ: крестьяне не искушены в делах политических, здесь нет никакой традиции в духе западной волюнтарности, и поэтому царю будет легко справиться с заговорщиками, "напустив на них массу"; мужики же будут рады побить бар, не разобравшись, что те в конце концов желают им добра; поэтому Тургенев особенно настаивал на

быстрейшем внесении в декабристскую программу пункта об освобождении крестьян и других способах привлечения народа.

Молодой Пушкин, находившийся под определенным влиянием идей Тургенева, в своих нелегальных, декабристских по духу заметках по русской истории XVIII века (1822) радовался, что дворянам не удалось ограничить в свою пользу самодержавие: "Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, затруднили бы или даже вовсе уничтожили бы способ освобождения людей крепостного состояния, ограничили бы число дворян и заградили бы для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство".

Иначе говоря, ограничение самодержавия исключило бы коренные реформы сверху и привело бы к взрыву снизу, "страшному потрясению". "Ныне же, - продолжает Пушкин, - политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы".

Пушкин, как видим, указывает на важнейшую черту российской системы: экономические и политические реформы сверху - при огромных возможностях такого централизованного государства - могут осуществляться сравнительно мирно и быстро. Пусть эта формула недооценивает трудности будущего переворота, сопротивление крепостнической реакции, однако общая идея свхвачена исторически верно. Это как бы возвращение к опыту Петра сто лет спустя и (как мы теперь знаем) известное предвосхищение того, что случится в 1860-х годах...

То, что случилось в 1825-м, также вытекало из ряда древних, чисто российских традиций.

П.И. Пестель. 1929